

СВЕТЛАНА ИПАТОВНА ПЛАТОНОВА

доктор философских наук,
профессор Удмуртского государственного
аграрного университета
Ижевск, Россия;
e-mail: platon-s@bk.ru

Социальная идентичность как феномен цифрового общества

УДК: 159.9.01

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-149-163

Цифровизация социальных процессов приводит к трансформации социокультурных феноменов, включая социальную идентичность. Цель статьи заключается в анализе цифровой идентичности современного человека. Методологической основой исследования выступает сравнительный анализ и принцип энактивизма, утверждающий «со-возникновение» новых качеств при взаимодействии человека и реальности. В статье рассматриваются проблемы соотношения реальной и сетевой идентичности, влияния онлайн-платформ и цифровых технологий на формирование и трансформацию социальной идентичности. Обсуждается формирование человека-виртуала, киборга как симбиоза живого и машинного, природного и технического. Анализируются и сравниваются теории сетевой идентичности. Ряд теорий говорит о дополнении реальной и сетевой идентичности, о «цифровом двойнике» реального индивида. Другие теории рассматривают множественную идентичность, растождествление личности и борьбу идентичностей. Показаны положительные и негативные стороны цифровой идентичности. Формирование идентичности во многом контролируется крупными онлайн-платформами, использующими аналитику больших данных, манипулятивные стратегии, подталкивающими пользователей к определенной модели поведения, потребления и формирующими ценности и смыслы. Цифровая идентичность характеризуется потребностью в «других», это стремление к унификации и однообразию поведения, мыслей, чувств, ценностей, это стремление к подавлению индивидуальности. В целом цифровая идентичность антиномична: можно выделить такие ценностные противоречия, как свобода/социальный контроль; индивидуализация/коллективизация; творчество/стандартизация. Делается вывод о том, что цифровые технологии должны учитывать антропологическую уязвимость и соответствовать потребностям и возможностям человека.

Ключевые слова: цифровое общество, социальная идентичность, цифровая идентичность, человек-виртуал, метафора онлайн-платформы.

Современное общество переживает цифровую трансформацию, затрагивающую все сферы, институты, процессы, включая деятельность и существование человека в целом. Цифровые коммуникации становятся важной и в некоторых случаях (онлайн-образование, онлайн-коммуникация, удаленная работа в период пандемии) необходимой частью человеческого бытия. С помощью беспроводных технологий можно работать, общаться, учиться, слушать музыку, играть, делать покупки. Возникли понятия «цифровая культура», «цифровой диалог», «цифровая религия», «цифровое поколение», «цифровое существование» и др.

Признание того факта, что сетевые технологии влияют на социальную идентичность, на трансформацию социальных ценностей, стало общим местом. Возникающие при этом новые проблемы рассматриваются обществоведами разных стран [Giddens, 1991; Hall, 1997; Бауман, 2005; Подвойский, Солеймани, 2019; Касавина, 2020; Лешкевич, 2022 и др.]. Многие исследователи согласны с тем, что человечество переживает цифровой поворот. Опираясь на феноменологическую философию, герменевтику, социальную психологию, конструктивистский подход, исследователи изучают феномены цифровой коммуникации: селфи, лайки, цифровой диалог в обучении, «цифровой след», ценности дигитального мира, рутинизацию Интернета. В фокусе внимания исследователей находятся как особенности этих феноменов, их влияние на человека, так и потенциальные угрозы и риски, связанные с тотальным распространением цифровых технологий. Одним из важных и не вполне изученных вопросов является вопрос, связанный с особенностями формирования индивидуальной и социальной идентичности в контексте цифровых трансформаций общества. Требуют детального изучения следующие вопросы:

- Как и каким образом развитие и распространение компьютерных технологий влияет на социальную идентичность?
- Что происходит с человеком, «сращенным», встроенным в цифровые технологии?

Целью нашей статьи является исследование особенностей формирования и трансформации социальной идентичности в цифровом обществе, а также анализ воздействия онлайн-платформ и цифровых технологий на социальную идентичность. Методологической основой статьи является сравнительный анализ и принцип энактивизма, постулирующий «со-возникновение» новых качеств при взаимодействии человека и реальности, утверждающий, что «человек, видоизменяя конфигурацию существующей реальности, изменяет себя» [Лешкевич, 2022, с. 58].

Идентичность в социально-гуманитарном знании: основные подходы

Идентичность — сложное, многоаспектное понятие, которое является предметом дискуссий и обсуждений социологов, политологов, антропологов, философов. Соответственно, каждая из социально-гуманитарных наук предлагает свое концептуальное определение этого понятия. Существует много исследований, в которых рассматриваются многочисленные теоретические подходы, предложенные обществоведами [Орлова, 2010; Санина, 2014; Подвойский, Солеймани, 2019 и др.]. Не претендуя на полноту анализа основных исследовательских подходов, остановимся на

некоторых из них, имеющих большое значение в контексте рассматриваемой темы и сформулированных вопросов.

Каковы отличия в понимании идентичности в рамках психологических и социальных теорий? Понятие «идентичность» впервые употребил американский психолог Э. Эриксон: «Идентичность обозначает твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным “я” независимо от изменений “я” и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития» [Эриксон, 1996, с. 12].

Э. Эриксон связывает формирование идентичности с процессами онтогенеза, взяв за основу эпигенетический принцип развития человека. Идентичность связана с механизмами адаптации и социализации индивида. На эту взаимосвязь обращают внимание также М.К. Карпова и М.А. Моница, рассматривающие идентичность как «структурный компонент личности, развивающийся в процессе онтогенеза личности в условиях интеракции индивида со своим социальным окружением» [Карпова, Моница, 2018, с. 159].

Необходимо отметить, что в психологических теориях речь, прежде всего, идет об индивидуальной идентичности, о процессе формирования «самости», «Я-идентичности», собственного «Я». В рамках психологических теорий идентичность понимается как «чувство “ощущения себя”, которое изменяется на протяжении всей жизни человека и, следовательно, имеет динамический характер, а идентификация — как защитный психологический механизм, позволяющий уподоблять себя некоему образу» [Санина, 2014, с. 4].

Социальные теории отличаются большим разнообразием подходов к определению сущностных характеристик идентичности и особенностей ее формирования. Прежде всего, можно говорить о микросоциологическом (интерпретативном) и макросоциологическом подходах к анализу идентичности.

Близки психологическим теориям микросоциологические теории, к которым относят символический интеракционизм, этнометодологию. Дж.Г. Мид рассматривает поэтапный процесс развития человеческого «Я» («самости», «Self»), приводящий к формированию четко различимой идентичности, связанной, в частности, с тем, что человек может примерить на себя разные роли. Ч. Кули рассматривает процессы социализации ребенка в контексте его социального окружения. «Кули сравнивает свою модель личности с зеркалом, намекая на рефлексивный характер человеческого Я, и называет ее “зеркальным Я”. <...> “Я сам” и общество — два феномена близнеца, и между ними существует органическая и неразрывная связь» [Подвойский, Солеймани, 2019, с. 828]. Таким образом, в микросоциологических теориях идентификация рассматривается как процесс, тесно связанный с социализацией, а идентичность создается в процессе социальных взаимодействий. При этом «Я» человека постоянно самоопределяется и меняется в процессе социальных взаимодействий.

Социальные макросоциологические теории наряду с понятием «индивидуальная идентичность» широко используют понятия «социальная идентичность», «коллективная идентичность», «групповая идентичность», которые обосновывают взаимосвязь индивида с социальными группами, социальными институтами, обществом.

Одними из первых вопросы формирования социальной идентичности и организации социального порядка в рамках макросоциологических теорий стали рассматривать И. Бентам и Э. Дюркгейм. И. Бентам предложил модель паноптика — идеального устройства, в котором немногие (в идеале один человек) могут наблюдать за многими. В этом случае социальная идентификация индивида заключалась в том, чтобы быть как все, не стремясь к утверждению своей уникальности и самобытности. Этот тезис развил далее М. Фуко, полагавший, что индивид лишен автономии и полностью сформирован дисциплинарными техниками власти. При этом власть является бессубъектной, ее трудно соотнести с каким-то конкретным местом, власть анонимна.

Э. Дюркгейм выделял механический и органический типы солидарности. Если механическая солидарность характерна для простых примитивных обществ, в которых отсутствует разделение труда, то органическая солидарность присуща современным обществам с развитой экономикой, специализацией, разделением труда. В современных обществах «человек может идентифицировать себя с обширной социальной единицей (с нацией, государством, народом и т. п.), не утрачивая при этом своих индивидуальных особенностей» [*Подвойский, Солеймани, 2019, с. 826*]. Если И. Бентам и М. Фуко понимают идентичность односторонне, как устранение различий между индивидами, то у Э. Дюркгейма идентичность включает в себя как сходство, так и различие между людьми. Таким образом, социальная идентичность имеет двойственную природу: с одной стороны, она развивает индивидуальные, уникальные качества личности, а с другой стороны, формирует у индивида общие с другими индивидами признаки.

Проблемы идентичности и связанные с ней процессы социализации, социального порядка, социального контроля рассматривались классиками американской социологии Т. Парсонсом, Р. Мертоном и их последователями. Т. Парсонс полагает, что социальный контроль и механизмы социализации позволяют личности интегрироваться в социальную систему. Для функционирования социальной системы большое значение имеет понятие социальной роли. Социализация является не чем иным, как механизмом усвоения социальных ролей.

Таким образом, в работах рассмотренных авторов утверждается, что идентичность формируется сверху вниз, от государства и его политических институтов (И. Бентам, М. Фуко) или от общества и социальных институтов (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс). Макросоциологические теории постулируют приоритет общества над индивидом, структуры над действием.

Как итог, макросоциологические социальные теории рассматривают концепты «идентичность», «идентификация» более широко, чем психологические теории, изучая эти концепты в контексте социальных отношений, социальных институтов, социальных ролей. Эти теории уходят от сведения идентичности к особенностям психологии индивида, жизненным кризисам, особенностям индивидуального развития, от использования психологических понятий, таких как «подсознание», «бессознательное», «самость», «самотождественность».

В социально-гуманитарных науках выделяют разные виды идентичности: Г. Тэджфел, И.С. Кон обосновывают индивидуальную и групповую идентичности. И. Гофман говорит о реальной и виртуальной идентичностях, П. Бурдьё постулирует коллективную идентичность. П.К. Гречко исследует социокультурную идентичность, понимаемую как «отождествление индивида с ценностями,

нормами и идеалами той или иной человеческой общности» [*Социальное*, 2009, с. 344–345].

Обобщая рассмотренные теории и подходы, можно выделить некоторые существенные характеристики идентичности. Во-первых, идентичность — это социальное отношение, связывающее индивида с социальной группой, этносом, религией, политической партией, гендером. Идентичность формируется и (или) трансформируется только в ходе социального взаимодействия.

Во-вторых, идентичность сочетает в себе два аспекта: с одной стороны, это унификация, коллективизация (быть как все), а с другой стороны, это индивидуализация (быть в чем-то отличным от других). Первый аспект формирует коллективную (социальную) идентичность, тогда как второй аспект направлен на формирование индивидуальной идентичности, индивидуализации. З. Бауман справедливо отметил, что если первое утверждение стало банальностью, то ко второму утверждению надо отнестись более внимательно: «...форма нашей социальности, как и форма общества, в котором мы живем, в свою очередь, зависят от того, как ставится и решается задача “индивидуализации”» [*Бауман*, 2005, с. 115].

Проблемы идентичности в обществе постмодерна

З. Бауман одной из главных причин повышенного внимания к идентичности и процессам идентификации называет особенности общества постмодерна, характеризующегося текучестью, непредсказуемостью, неопределенностью целей и средств их достижения, глобализацией и связанными с ними процессами фрагментации и индивидуализации индивидов. «“Индивидуализация” заключается в преобразении человеческой идентичности из “данности” в “задачу” и в наделении действующих лиц ответственностью, как за решение этой задачи, так и за последствия <...> исполнения ими их ролей» [*Там же*, с. 116].

В современном обществе более справедливо говорить о текучей, размытой идентичности. В этом обществе ничто не остается постоянным, безопасным, точным, фиксированным или стабильным; и ничто не длится долго. Согласно метафоре З. Баумана, человек эпохи модернити был похож на паломника, задававшегося вопросом: «Как попасть куда-то?» Современный человек больше похож на туриста, задающегося вопросом: «Куда мне идти? Куда меня заведет дорога, по которой я иду?» [*Там же*, с. 117]. Турист не привязывается ни к чему, быстро меняя свое местоположение. Он не строит стабильных отношений, его жизнь неопределенна, непредсказуема, нестабильна. Турист — это человек, мучимый вопросом, «какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [*Там же*, с. 117].

Э. Гидденс также говорит о непредсказуемых последствиях современных процессов для личной идентичности людей. Неопределенность и непредсказуемость вызваны процессами глобализации и местным локальным контекстом, локальными обстоятельствами, их взаимовлиянием и взаимообусловленностью. Следовательно, современная идентичность требует от человека определенной инициативы в выстраивании жизненной траектории, причем эта инициатива становится важнейшей характеристикой человеческого бытия.

Итак, можно утверждать, что индивидуализация личности является важнейшей характеристикой общества постмодерна. При этом индивидуализация — это не свободный и желаемый выбор индивида, а одновременно обязанность и ответственность индивида. Поэтому критику вызывает понимание идентичности как интегрального, изначального, устойчивого, единого образования.

П.К. Гречко в современном мире выделяет коллективистскую и индивидуалистическую идентичности, связанные соответственно с коллективистским и индивидуалистическим типами социальности. Коллективистская идентичность, существующая в традиционных обществах, может быть выражена оппозицией «Мы — Они», здесь важно чувство причастности к коллективу, традициям, историческому опыту. Индивидуалистическая идентичность, характерная для обществ постмодерна, выражается оппозицией «Я — Другой (другие)» [Социальное, 2009, с. 356]. В постмодернистских обществах принципиально важны плюрализм, свобода выбора своей идентичности. Политическая, религиозная, этническая идентичности являются социальными, так как функционируют в рамках общества.

Поскольку идентификация — это двусторонний дискурсивный процесс, на одном полюсе которого находится индивид, а на другом — идентичность, то пересмотра требует понимание не только идентичности, но и индивида. С. Холл, развивая концепцию М. Фуко о дискурсивных практиках, предлагает понимать субъекта не как «центрированного актора социальной практики, а как элемент дискурсивной практики. В этом случае идентификация — это взаимосвязь между субъектами и дискурсивными практиками [Hall, 1997, p. 2]. Дискурсивный подход рассматривает идентификацию как конструкцию, как процесс, который никогда не завершается. Идентификация условна, основана на непредвиденных обстоятельствах, она процессуальна [Ibid., p. 2–3].

Осмысливая эти подходы, можно заключить, что идентичность в обществе постмодерна ускорила процессы индивидуализации; формирование идентичности, ее изменение, эволюция — это обязанность и ответственность индивида. При этом меняется не только понимание идентичности, но и самого индивида. Личная инициатива становится важнейшей характеристикой человеческого бытия.

Человек и сетевые технологии как элементы социальной идентичности в цифровом обществе

Поскольку сетевые коммуникации, цифровые технологии становятся важнейшей характеристикой человеческого бытия, они не могут не оказывать влияния на формирование и трансформацию социальной идентичности.

Существуют исследования, в которых наряду с индивидуальной и социальной идентичностью, рассматривается «сетевая» (виртуальная) идентичность. В ряде работ развивается мысль о том, что «реальная и сетевая идентичности, скорее, дополняют друг друга, чем противопоставляются в сознании пользователя, как альтернативные. <...> В виртуальных проекциях идентичности человек раскрывает себя, свои возможности, о которых он прежде не знал» [Карпова, Моница, 2018, с. 159–160]. При этом сетевые пользователи демонстрируют определенную свободу поведения, выражения собственного мнения, принятия решения. Сетевое общение

самостоятельно, самодеятельно, экстерриториально, является ресурсом раскрытия человеком собственной реальной идентичности.

Подобной точки зрения придерживается также И.В. Фролова. Она говорит о конструировании сетевой идентичности, в ходе которой «большинство пользователей открыто заявляют о себе, проецируя реальную идентичность в виртуальную среду. <...> Сетевая идентичность является продолжением идентичности реальной, при этом они имеют тенденцию к сближению» [Фролова, 2018, с. 33, 36]. По сути, речь идет о «цифровом двойнике» человека, о его виртуальной копии. В некоторых исследованиях утверждается, что «конструирование идентичности в виртуальной реальности в целом отражает психологическую логику “взрачивания социальности” от “Мы” к “Я”» [Касавина, 2020, с. 85]. Иными словами, речь идет о направленности личностного развития от социальной идентичности к личностной идентичности, о том, что индивид, используя ресурсы Интернета, не подавляет, а, напротив, развивает личностную идентичность.

В ряде других исследований проводится более осторожная оценка влияния социальных сетей на идентичность пользователя [Зубофф, 2020; Лешкевич, 2022, Иванов, 2022 и др.]. В понимании особенностей виртуального человека важны выводы Т.Г. Лешкевич, согласно которым «виртуальная среда допускает перспективы множественной идентичности, как и произвольность в отношении реального статуса персоны» [Лешкевич, 2022, с. 55]. Виртуальная модель человека не является «цифровым двойником» реального индивида, это «улучшенная или ухудшенная копия, созданная на основе собственных предпочтений» [Там же].

По нашему мнению, в сетевом взаимодействии формируется «цифровая идентичность». В цифровой идентичности можно выделить два уровня идентичности человека: цифровая индивидуальная идентичность и цифровая социальная идентичность. К цифровому индивидуальному уровню идентичности можно отнести самопрезентацию индивида: выстраивание собственного профиля, конструирование собственного образа, размещение информации о самом себе, выкладывание фотографий, биографических данных, личных достижений. Иными словами, это определенная манифестация Я, позиционирование человека в виртуальном пространстве.

К цифровому социальному уровню идентичности можно отнести сетевые взаимодействия и коммуникации, когда индивид имеет возможность просматривать страницы других пользователей, делать комментарии, ставить лайки, осуществлять поисковые запросы, писать сообщения. Индивид становится публичным, видимым, ожидает поддержки, роста популярности. Здесь важным является «самосознание индивидов относительно их принадлежности к социальным группам» [Подвойский, Солеймани, 2019, с. 830]. Отметим, что в условиях цифрового общества речь идет о принадлежности индивида к сетевым социальным группам, сообществам. При этом возникает интересный феномен формирования герметичных групп, сообществ, деления пользователей на «свой — чужой». Поэтому, «с одной стороны, можно говорить об асоциальности, определенной закрытости социальных сетей для “чужаков”», а «с другой стороны, мы наблюдаем формирование институционально-принудительной “сверхсоциальности”» [Резаев и др., 2020, с. 6].

В рассматриваемом контексте интересной представляется концепция «борьбы идентичностей» Р. Фогельсона. В этой концепции «выделяются четыре компонента идентичности: реальная (представления индивида о себе в конкретный период его

жизни); идеальная (модель поведения и существования, к которой индивид стремится); негативная («образ себя», которого индивид стремится избегать); предъявляемая (набор образов, которые индивид транслирует другим людям с целью повлиять на их оценку» [Санина, 2014, с. 7].

Попробуем развить тезис о борьбе идентичностей, предложенный Р. Фогельсоном. Цифровые коммуникации усиливают эту борьбу. «Нахождение в онлайн-пространстве приводит к тройному растождествлению. С одной стороны, это растождествление Self, социального “Я” человека и виртуальных аватаров. С другой стороны, это растождествление стремления к оригинальности/самовыражению и заданной жесткими институциональными рамками виртуальной саморепрезентации. С третьей стороны, это растождествление желанной максимальной открытости и невротической боязни за сохранение приватности» [Резаев и др., 2020, с. 6–7].

Необходимо отдельно отметить, что человек, создавая виртуальную модель себя, выходит за пределы реального Я, поэтому следует говорить о множественной идентичности. Е. Таратута предложил определять виртуального человека через понятие “vir”, а реального человека — через понятие “homo”. “Vir” демонстрирует доблесть, мужество, некий предельный порыв, а “homo” — это человек, «включенный в жизненное чередование человеческих существ, он порожден и порождает» [Лешкевич, 2022, с. 55–56].

Цифровая среда и социальные сети предполагают социальное сравнение, социальные сети — это своего рода «социальное зеркало», смотрясь в которое пользователь ожидает поддержки в виде лайков, одобрительных комментариев, постов. Сравнение себя с другими может привести к заниженной самооценке и отрицательным эмоциям, подавленности, ущербности, беспокойству. В любом случае социальное сравнение ориентирует человека на внешние сигналы, на социальное зеркало, а не на «собственные мысли, чувства, ценности и сознание своей индивидуальности. <...> Социальное сравнение может заставить людей делать то, что они иначе бы не сделали» [Зубофф, 2020, с. 600, 602]. О вынужденном, принудительном, вызванном внешними причинами поведении говорил еще З. Бауман, предупреждая, что «идея человеческого самоформирования и самоутверждения несла в себе не только семена демократии, но и споры тоталитаризма» [Бауман, 2005, с. 115]. Примерно такую же метафору современного цифрового общества приводит А. Пентленд, характеризуя его как «социальный улей», в котором люди подражают друг другу. В работе «Социальная физика» он пытается сформулировать законы социального поведения, идентичные законам физики [Пентленд, 2018].

Итак, наш первый тезис утверждает, что в сетевом взаимодействии формируется цифровая идентичность, в которой можно выделить по крайней мере два уровня: цифровую индивидуальную идентичность и цифровую социальную идентичность. Реальный индивид и его «цифровой двойник» не являются тождественными образованиями; скорее, можно говорить о множественных идентичностях и о борьбе идентичностей.

Следующий наш тезис связан с появлением новых участников сетевого взаимодействия. Рассмотрим два проблемных момента анализа новых социальных акторов с точки зрения их влияния на социальную идентичность. Во-первых, речь идет о крупных платформенных компаниях, осуществляющих «манипулятивные стратегии, режимы настройки поведения с установками поставить все под контроль» [Лешкевич, 2022, с. 55]. Об этом пишут многие исследователи [Лешкевич, 2022; Платонова, 2022а, 2022б; Зубофф, 2020; Луртон, 2015; Ossewaarde, 2019]. Крупные ком-

пании (*Facebook, Google, Netflix, Amazon, Apple*) применяют цифровые технологии и аналитику больших данных для внедрения в личную жизнь пользователей, острожно формируя потребительский спрос и поведение, а вместе с ними смыслы и ценности. Мы также не раз обращались к этому вопросу, подчеркивая, что «цифровые платформы предоставляют определенные возможности и интерфейсы, устанавливают ограничения на то, как пользователь понимает мир и относится к миру. Контроль осуществляется... более тонко и латентно, как бы подталкивая миллионы пользователей к определенной модели поведения и создавая при этом иллюзию индивидуальной свободы и выбора» [Платонова, 2022b, с. 165]. Для концептуализации особенностей организации социального контроля в цифровом обществе нами было предложено понятие «цифровой паноптизм» [Платонова, 2017a].

В статье М. Оссеваарде внимание уделяется крупным цифровым компаниям, работающим в Силиконовой долине. М. Оссеваарде полагает, что «создатели Силиконовой долины не только разрабатывают и производят цифровые технологии, но и создают мошеннические мифы о том, что при правильном управлении повсеместными вычислениями алгоритмические технологии изменят мир к лучшему и даже улучшат культуру просвещения. В действительности же предполагаемая цифровая трансформация будущего означает дальнейшее и более глубокое экономическое доминирование сил Кремниевой долины» [Ossewaarde, 2019, p. 28].

Взгляды М. Оссеваарде близки позиции Ш. Зубофф, которая среди прочего исследует приватизированные сетевые пространства. «Частные пространства — та среда, в рамках которой все виды социального влияния — социальное давление, социальное сравнение, моделирование, подсознательное внушение — призываются для того, чтобы подстраивать, понуждать и манипулировать поведением во имя надзорных доходов» [Зубофф, 2020, с. 591]. Например, механизм социального манипулирования и контроля, используемый *Facebook*, описывается следующим образом: «Это опора на конкретные практики, которые подпитывают склонность людей, особенно молодых, узнавать себя “взглядом снаружи”. <...> Чем больше удовлетворяется потребность в “других”, тем менее способным оказывается человек к самоизобретению» [Там же, с. 592].

Следовательно, цифровые технологии и цифровое общение стимулируют и развивают стремление индивида к некой унификации, стандартизации, желанию понравиться как можно большему кругу виртуальных лиц. Подобные процессы подавляют индивидуализацию, творчество, самостоятельность, свойственные реальному индивиду, ограничивают индивидуальную активность. Как итог, цифровое общество подавляет стремление к развитию индивидуальной идентичности, индивидуальности, осознанию себя как уникального «Я» и ориентирует на единые цели, ценности, коллективную жизнь.

Вторым проблемным моментом является тот факт, что информационная среда с разнообразными технологиями может привести (и приводит) к появлению гибрида «человек-виртуал», киборга, *homo digital*, искусственной социальности. Здесь уместно поставить следующие вопросы:

- Как трансформируется социальная идентичность в контексте слияния реального и виртуального?
- Можно ли утверждать, что индивидуальная и социальная идентичности сращиваются с компьютерными технологиями и, как следствие, создается социотехническая идентичность?

О симбиозе социальных и природных систем пишут многие исследователи [Urry, 1999; Latour, 2005; Tolu, 2014]. Дж. Урри говорит о взаимодействии множественных человеческих и нечеловеческих актантов. «Актанты являются типичными мобильными, блуждающими гибридами и указывают на роли, которые исполняются внутри сетей» [Лешкевич, 2022, с. 58]. В акторно-сетевой теории, развиваемой Б. Латуром и его последователями, утверждается, что нет фундаментального деления на человеческое/нечеловеческое, социальное/природное. Все эти сущности оказываются актерами, находящимися на одной онтологической плоскости. С точки зрения Д.В. Галкина, в цифровом обществе функционируют «гибриды технических и живых систем, в которых соединяются когнитивные, функциональные, тканевые и технические элементы» [Галкин, 2012, с. 15]. Поскольку «физическая природа человека не способна для усваивания огромных массивов информации, для улавливания высокочастотных звуков и т. п.», предлагается понятие «технологический антроподефицит», означающее нехватку естественных возможностей человека как вида для поддержания функционирования цивилизации автоматов» [Там же, с. 14].

В настоящее время проблема взаимодействия и взаимоотношения человека и виртуальных технологий приобретает особую остроту, связанную с вовлеченностью индивидов в информационную среду. Вполне возможно, что амбивалентность сетевого общения, использование всевозможных технических устройств, общение «лицом в устройство» (face into the device) ведет к формированию социотехнической идентичности, к формированию киборга, совмещающего в себе природные и технические свойства. С кем или с чем в таком случае будет идентифицировать себя человек, целиком «сращенный с цифровыми технологиями»? Вполне возможно, что мы стоим перед выбором: или человек будет руководить информационными технологиями, или информационные технологии будут руководить нами. Обозначенная проблема является, по нашему мнению, актуальной и подлежит дальнейшему изучению и обсуждению.

Итак, мы имеем феномен идентичности, сформированный и функционирующий в цифровом обществе. Современное общество динамично, плюралистично, поэтому идентичность также является динамичным процессом. При этом социальные сети не имеют единого центра, единого источника власти. Следовательно, идентичность индивидов является неопределенной, множественной, незавершенной. Это связано не только с отсутствием единого центра, но и с расплывчатостью ценностно-нормативной структуры общества. Формирование идентичности амбивалентно: с одной стороны, социальные сети оказывают влияние на идентификацию индивида. С другой стороны, задействован внутренний потенциал человека, его творческие возможности. В целом цифровая идентичность антиномична: можно выделить такие ценностные противоречия, как свобода / социальный контроль; индивидуализация/коллективизация; творчество/стандартизация, самопрезентация/приватность.

Мы постарались показать, что феномен социальной идентичности в цифровом обществе имеет как положительные, так и негативные особенности. К положительным чертам этого феномена можно отнести возможности социального общения, продвижения, образования, работы. При этом зачастую сетевая идентичность продолжает реальную идентичность, сетевая и реальная идентичности дополняют друг друга. Жизнь «лицом в устройство» (face into the device) становится неотъемлемой частью человеческого бытия.

К негативным особенностям сетевой идентичности можно отнести возможность манипулирования поведением пользователя, контроля его поведения, использование механизмов социального давления и сравнения. К негативным психологическим последствиям сетевой идентичности относятся все большая зависимость пользователя от внешних виртуальных одобрений, лайков, ориентация на мнение большинства и, как следствие, невозможность развития индивидуальности и самотворчества. Если в обществе постмодерна идентичность связывалась с развитием индивидуализации, автономности личности, то в цифровом обществе мы видим противоположную тенденцию. Идентичность характеризуется потребностью в «других», это стремление к унификации, коллективизму и однообразию поведения, мыслей, чувств, ценностей.

Заключение

Двойственность цифровых технологий в формировании социальной идентичности человека привела к формированию двух позиций: цифровых оптимистов и цифровых пессимистов [Лешкевич, 2022]. Тем не менее, по нашему мнению, можно говорить о диалектике отношений между крупными платформенными компаниями, государственными структурами и сетевыми социальными группами, сохраняющими свою автономию, самостоятельность и самодеятельность. Односторонний тотальный контроль со стороны мегакорпораций, видимо, невозможен. В данном контексте важны выводы, утверждающие, что «принципиально невозможно полностью оцифровать социальное и существует “предел” искусственного интеллекта интерпретировать и трактовать данные о человеческом поведении» [Добринская, 2021, с. 123]. Полностью деятельность сетевых групп и индивидуальных пользователей не может контролироваться. Поэтому цифровой детерминизм должен быть с человеческим лицом, соответствующим потребностям и возможностям человека.

Социальная идентичность и ее формирование в цифровом обществе имеет следующие особенности:

- происходит смешение реальной и виртуальной жизни; наряду с реальной идентичностью формируется виртуальная (сетевая) идентичность;
- сетевые коммуникации затрудняют формирование идентичности и приводят к растождествлению Self, социального «Я» человека и виртуальных аватаров;
- сетевая идентичность связана с социальным сравнением, приводящим зачастую к заниженной самооценке пользователя и желанию соответствовать определенным стереотипам, социальным моделям;
- идентичность характеризуется потребностью в «других», это стремление к унификации и однообразию поведения, мыслей, чувств, ценностей, это стремление к подавлению индивидуальности;
- формирование идентичности во многом контролируется крупными компаниями (мегакорпорациями), использующими аналитику больших данных, манипулятивные стратегии, подталкивающие пользователей к определенной модели поведения, потребления и формирующие ценности и смыслы;
- нахождение в виртуальном пространстве приводит к интегрированию человека с цифровыми технологиями и появлению гибрида «человек-виртуал».

Литература

- Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Галкин Д.В.* Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). С. 11–16.
- Добринская Д.Е.* Что такое цифровое общество // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 2. С. 112–129. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129.
- Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. 784 с.
- Иванов Д.В.* Интернет-коммуникации как социальная рутина в российских мегаполисах // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 1. С. 97–116. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-97-115.
- Карпова М.К., Монина М.А.* Социальные сети как особый канал самопрезентации индивида // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6. № 1 (21). С. 158–167 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-osobyuy-kanal-samorrezentatsii-individa> (дата обращения: 22.01.2023).
- Касавина Н.А.* «Digital existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3. № 4. С. 73–89. DOI: 10.5840/dspl20203441.
- Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 564 с.
- Лешкевич Т.Г.* Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 53–63.
- Пентленд А.* Социальная физика. Как большие данные помогают следить за нами и отбирают у нас частную жизнь / Пер. с англ. М.: Аст, 2018. 352 с.
- Платонова С.И.* Большие данные и организация социального контроля в цифровом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки. 2022а. № 4. С. 81–91.
- Платонова С.И.* Социальные знания и социальные изменения в контексте больших данных // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022б. № 4. С. 160–168.
- Подвойский Д.Г., Солеймани С.* Понятие социальной идентичности: основные исследовательские подходы // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2019. Т. 19. № 4. С. 825–834.
- Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д.* Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 3–12. DOI: 10.31857/S013216250008489-0.
- Санина А.Г.* Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 3–11.
- Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / Под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. М.: Российская политическая энциклопедия; 2009. 440 с.
- Фролова И.В.* Сетевая идентичность современного человека: философская рефлексия // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54). С. 40–52.
- Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
- Hall S.* Who Needs “Identity”? / Questions of Cultural Identity / Eds. S. Hall, P. Gay. London: Sage Publications, 1997. P. 1–17.
- Latour B.* Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford University Press, 2007. 301 p.
- Lupton D.* Digital Sociology. N.Y.: Routledge, 2015. 230 p.
- Ossewaarde M.* Digital Transformation and the Renewal of Social Theory: Unpacking the New Fraudulent Myths and Misplaced Metaphors // Technological Forecasting & Social Change. 2019. Vol. 146. P. 24–30. DOI: 10.1016/j.techfore.2019.05.007

Toly H. Notes on Cyber-Luddism // Knowledge Cultures. 2014. Vol. 2. No. 3. P. 155–188.

Törnberg P., Uitermark J. Complex Control and the Governmentality of Digital Platforms // Frontiers Sustainable Cities. 2020. P. 2–6. DOI: 10.3389/frsc.2020.00006.

Urry J. Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. N.Y.: Routledge, 1999. 266 p.

Social Identity as a Phenomenon of Digital Society

SVETLANA I. PLATONOVA

Udmurt State Agricultural University,
Izhevsk, Russia;
e-mail: platon-s@bk.ru

Digitalization of social processes leads to the transformation of socio-cultural phenomena, including social identity. The purpose of the article is to analyze the digital identity of a contemporary person. The methodological basis of the research is a comparative analysis and the principle of enactivism, which asserts the co-emergence of new qualities in the interaction of man and reality. The article deals with the problems of the correlation of real and network identity, the influence of online platforms and digital technologies on the formation and transformation of social identity. The formation of a virtual human, cyborg as a symbiosis of living and machine, natural and technical is discussed. The theories of network identity are analyzed and compared. A number of theories speak about the complement of real and network identity, about the “digital double” of a real individual. Other theories consider multiple identities, disidentification of personality and the struggle of identities. The positive and negative sides of digital identity are shown. In general, digital identity is antinomic: one can distinguish such value contradictions as freedom / social control; individualization / collectivization; creativity / standardization. It is shown that the formation of identity is largely controlled by large online platforms that use big data analytics, manipulative strategies that push users to a certain model of behavior, consumption and shape values and meanings. Digital identity is characterized by the need for “others”, it is the desire for unification and uniformity of behavior, thoughts, feelings, values, it is the desire to suppress individuality. It is concluded that digital technologies should take into account anthropological vulnerability and meet human needs and capabilities.

Keywords: digital society, social identity, digital identity, virtual person, online platform metaphor.

References

Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoye obshchestvo* [The individualized society], Moskva: Logos (in Russian).

Castells, M. (2016). *Vlast' kommunikatsii* [Communication power], Moskva: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki (in Russian).

Dobrinskaya, D.E. (2021). Chto takoe tsifrovoye obshchestvo? [What is the Digital Society?], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 12 (2), 112–129 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129.

Erikson, E. (1996). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis], Moskva: Progress (in Russian).

Frolova, I.V. (2018). Setevaya identichnost' sovremennogo cheloveka: filosofskaya refleksiya [Network identity of modern man: philosophical reflection], *Tsennosti i smysly*, no. 2 (54), 40–52 (in Russian). DOI: 10.24411/2071-6427-2018-10003.

Galkin, D.V. (2012). Digital culture: metodologicheskiye voprosy issledovaniya kul'turnoy dinamiki ot tsifrovyykh avtomatov do tekhnobio-tvarey [Digital culture: methodological issues of cultural dynamic research: from digital automatic machines to technical-biocreatures], *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*, no. 3 (8), 11–16 (in Russian).

Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Cambridge: Polity Press.

Grechko P.K. (Ed.). (2009). *Sotsial'noye: istoki, strukturnyye profili, sovremennyye vyzovy* [Social: origins, structural profiles, modern challenges], Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (in Russian).

Hall, S. (1997). Introduction: Who Needs “Identity”?, in S. Hall, P.D. Gay (Eds.). *Questions of Cultural Identity* (pp. 1–17), London: Sage Publications.

Ivanov, D.V. (2022). Internet-kommunikatsii kak sotsial'naya rutina v rossiyskikh megapolisakh [The internet communication as social routine in Russian metropolitan areas], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 13 (1), 97–116 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-97-115.

Karpova, M.K., Monina, M.A. (2018). Sotsial'nyye seti kak osoby kanal samoprezentatsii individa [Social networks as a special channel for self-presentation of an individual], *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 6 (1 (21)), 158–167. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-osoby-kanal-samoprezentatsii-individa> (date accessed: 22.01.2023) (in Russian).

Kasavina, N.A. (2020). “Digital existence”: tsifrovoy povorot v ponimani chelovecheskogo bytiya [“Digital existence”: a digital turn in the understanding of human being], *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filozofa*, 3 (4), 73–89 (in Russian). DOI: 10.5840/dspl20203441.

Leshkevich, T.G. (2022). Chelovek-virtual i peredacha kul'turnykh tsennostey pokoleniyu epokhi tsify [The virtual person and transmitting cultural values to the digital generation], *Voprosy filosofii*, no. 3, 53–63 (in Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-53-63.

Latour, B. (2007). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*, Oxford: Oxford University Press.

Lupton, D. (2015). *Digital Sociology*, NY: Routledge.

Ossewaarde, M. (2019). Digital Transformation and the Renewal of Social Theory: Unpacking the New Fraudulent Myths and Misplaced Metaphors, *Technological Forecasting & Social Change*, no. 146, 24–30. DOI: 10.1016/j.techfore.2019.05.007.

Pentland, A. (2015). *Sotsial'naya fizika. Kak bol'shiye dannyye pomagayut sledit' za nami i otbirayut u nas chastnyuyu zhizn'* [Social physics. How social networks can make us smarter], Moskva: ACT (in Russian).

Platonova, S.I. (2022a). Bol'shiye dannyye i organizatsiya sotsial'nogo kontrolya v tsifrovom obshchestve [Big data and the organization of social control in the digital society], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Ser.: Filosofskiy nauki*, no. 4, 81–91 (in Russian). DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-81-91.

Platonova, S.I. (2022b). Sotsial'nyye znaniya i sotsial'nyye izmeneniya v kontekste bol'shikh dannyykh [Social knowledge and social change in the context of big data], *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, no. 4, 160–168 (in Russian). DOI: 10.25198/2077-7175-2022-4-160.

Podvoyskiy, D.G., Soleimani, S. (2019). Ponyatiye sotsial'noy identichnosti: osnovnyye issledovatel'skiye podkhody [The concept of social identity: basic research approaches], *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 19 (4), 825–834 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-825-834.

Rezaev, A.V., Starikov, V.S., Tregubova, N.D. (2020). Sotsiologiya v epokhu “iskusstvennoy sotsial'nosti”: poisk novyykh osnovaniy [Sociology in the age of ‘Artificial Sociality’: search of new bases], *Sotsiologicheskoye issledovaniya*, no. 2, 3–12 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250008489-0.

Sanina, A.G. (2014). Genesis idei identichnosti v sotsiologii i smezhnykh naukax [The genesis of the idea of identity in sociology and related sciences], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 12, 3–11 (in Russian).

Toly, H. (2014). Notes on Cyber-Luddism, *Knowledge Cultures*, 2 (3), 155–188.

Törnberg, P., Uitermark, J. (2020). Complex Control and the Governmentality of Digital Platforms, *Frontiers Sustainable Cities*, pp. 2–6. DOI: 10.3389/frsc.2020.00006.

Urry, J. (1999). *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*, NY: Routledge.

Zuboff, S. (2020). *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoye budushcheye na novykh rubezhakh vlasti* [The age of surveillance capitalism. The fight for a human future at the new frontier of power], Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gaydara (in Russian).